НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г. **№ 12 (1124)** **Декабрь, 2018 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ — **Стихи 2015 — 2017** 3
ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — **Пламя,** повесть 11
ТОМАС ВЕНЦЛОВА — **Два стихотворения.** Переводы с литовского Павла Шкарина 54
ОЛЕГ ХАФИЗОВ — **Фриба мара,** рассказ 58
КЛЕМЕНТИНА ШИРШОВА — **ТЧК,** стихи 64
БОРИС ЕКИМОВ — **Мальчики уходят тихо.** Из «Житейских историй» 67
АНДРЕЙ ПЕРМЯКОВ — **Тёплое, сухое,** стихи 73
ВИКТОР БЕРДИНСКИХ, ВЛАДИМИР ВЕРЕМЬЕВ — **Краткая история Гулага.** Окончание 80

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

УМБЕРТО САБА (1883 — 1957) — **Гол.** Вступительное слово и перевод с итальянского Павла Крючкова 141

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ — **Улица Солженицына** 144

ОПЫТЫ

ПАВЕЛ КРЮЧКОВ — **Неповторимый голос.** Александр Солженицын в звучащей литературе 162
РИЧАРД ТЕМПЕСТ — **Человек непокорный.** Заметки о повести «Раковый корпус» 171

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА: **Илья Луданов.** Одним днем; **Татьяна Лашук.** Во дворе трава; **Александр Титов.** Как мы «осуждали» Солженицына. Репортаж с давнего партсобрания; **Василий Авченко.** Путешествие из Магадана в Москву; **Людмила Глушковская.** Эстонская Alma mater;

(См. на обороте)

16+

МОСКВА 2018

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

Александр Марков. Солженицын — критик; **Александр Матасов.** Об Александре Солженицыне; **Георгий Жаркой.** Тайна; **Наталия Исакова.** Что в чемодане?; **Андрей Анпилов.** Светлые глаза; **Игорь Фунт.** Фейсбучные споры: Солженицын — «левый» или «правый»?; **Дмитрий Артис.** «Матрёнин двор»; **Полина Серебрякова.** Лучшие из нас; **Александр Донецкий.** Как нам обустроить этим летом? *Вне конкурса:* **Владимир Губайловский.** Новый Миклухо-Маклай; **Маргарита Каганова.** В железнодорожной форме. Вступительное слово Владимира Губайловского 177

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Полина Жеребцова. Чтение как эликсир бессмертия (Ольга Балла. Время сновидений) 203

Юрий Угольников. Инда еще побредем (Дмитрий Данилов. Печаль будет длиться вечно) 205

Дмитрий Бавильский. Учебник писательской гениальности (Гарольд Блум. Западный канон. Книги и школа всех времен) 207

КНИЖНАЯ ПОЛКА АЛЕКСАНДРА МАРКОВА 212

СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ 219

МАРИЯ ГАЛИНА: HYPERFICTION 224

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко) 229

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 2018 ГОД 233

SUMMARY 240

В 2019 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

· Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)

· контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: **7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29**

Эл. почта: **zakazinovimir@mail.ru** / Сайт: **nm1925.ru**

Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»: http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/

В 2018 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Новый мир», 2018

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ

*

УЛИЦА СОЛЖЕНИЦЫНА

Большую часть жизни я прожил окнами на улицу Александра Солженицына. Разумеется, имени писателя тогда на ее табличках не было — она называлась Большой Коммунистической и была самой некоммунистической улицей в Москве. На километр, вплоть до Андроникова монастыря с музеем древнерусского искусства имени Андрея Рублева, протянулись ампирные усадьбы с античными рельефами, доходные дома со львами, модерные особняки с мозаиками. И только синий рогатый троллейбус, привозивший из школы на Заставе Ильича, напоминал о том, что на дворе все еще XX век, а не уже XIX-й.

Парил над всем этим старорежимным великолепием огромный купол церкви святого Мартина Исповедника. Деньги на строительство дал чаеторговец В. Я. Жигарев, торговавший с Китаем и дослужившийся до поста московского городского головы — один из тех, о ком Солженицын вспомнит, объясняя, почему России не нужно «учиться» у Запада рыночной экономике. «Россия дореволюционная была полна деловой инициативы, свободы выбора деятельности и занятий. У нас цвела торговля, цвела промышленность... Русское купечество существовало уже в XVI веке... Те купцы торговали с Китаем, и с Дальним Востоком, и на Аляске они были...»[1]

«Большая Алексеевская», как называлась улица до революции, была средоточием этого купеческого, делового, практического и в то же время богомольного сословия. Именно здесь между усадьбой купчихи Пелагеи Кононовой, домом 11, и особняком еще одного городского головы — И. А. Колесова, домом 13, и нашлось у Москвы место для памятника Солженицыну.

«Солженицын — наш славянофил. Между тем он с головы до ног — немец; он Штольц среди Обломовых. Точность распорядка по минутам; работа, работа, работа; цель, цель, цель; расчет, расчет, расчет...» — рассуждала в дневниках Лидия Корнеевна Чуковская и заключала «во всем этом ничего русского»[2]. Это, конечно, не так, — миф о непрактичности и лени русского человека интеллигенция списала с себя и перенесла на весь народ.

Солженицын же был обломком совершенно другого сословия — уничтоженного большевистской властью под корень, — русских горожан. Социолог, возможно, употребил бы варваризм «бюргеров». Это купцы, мастеровые, пред-

---

Холмогоров Егор Станиславович — историк, политический публицист. Родился в Москве в 1975 году. Автор книг «Реванш русской истории» (М., 2016), «Русский националист» (М., 2016), «Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики» (М., 2018) и др. Создатель сайта рецензий «100 книг». Много лет занимается разработкой вопросов теории и истории русской и европейской консервативной мысли: автор работ о Николае Карамзине, Эдмунде Берке, Сергее Уварове, Николае Данилевском, Михаил Каткове, Федоре Достоевском, Освальде Шпенглере, Георгии Флоровском, Иване Ильине, Александре Солженицыне, эссе о консервативных мотивах в поэзии Александра Пушкина и Иосифа Бродского. Живет в г. Обнинске. В «Новом мире» публикуется впервые.

[1] Солженицын А. И. Парижская встреча в прямом эфире. Телевизионная передача Бернара Пиво «Культурный бульон». — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1997. Т. 3, стр. 427 — 428.

[2] Чуковская Лидия. Счастливая духовная встреча. О Солженицыне. — «Новый мир», 2008, № 9, стр. 120 — 121.

приниматели, инженеры — иногда потомственные, иногда едва поднявшиеся сами из сельских низов, как дед Солженицына Захар Федорович, но уже усвоившие этический сплав из прагматизма и честности: «Нэ так, як вы, хозяйнував: / Сам жив — и людям жить давав. / А шоб уси равны булы — / Того нэ будэ николы»[3].

Вадим Цымбурский назвал Солженицына голосом русской Контрреформации, «стремящейся вернуть дореформационные ценности новому горожанину, созданному большевистскими десятилетиями»[4]. Те ценности, которые прививал Солженицын советскому горожанину, не аграрно-помещичьи, не сельские, а подлинно городские — в противность большевистской слободизации. Отсюда рационализм, чуждость мистицизму и мечтательной лени, тяготение к тому, что называют «протестантской этикой», — честность, расчетливость в труде, бережливость (распространенная и на народ — *сбережение* народа, экономия народных сил). Отсюда симпатия к старообрядцам и протестантам как человеческому типу при отсутствии, в последнем случае, всякого догматического сочувствия к разрушительному духу Реформации.

Солженицын — почвенник, но не «деревенщик». Он не рос на земле. Решив «затесаться и затеряться в самой нутряной России», на Матренин двор он смотрит все-таки с заинтересованной отстраненностью этнографа. В деталях деревенского быта его учит разбираться крестьянин Твардовский: «если поросенок жирный, то он не жадный»[5]. Даже великая контрреволюция, которую производит Солженицын в русском литературном языке, только по видимости деревенская и опрощенческая — на деле она опосредована грандиозной кодификационной работой Даля. Солженицын «всего лишь» отнесся к словарю серьезно, как к мастеровому инструменту, а не как к кунсткамере лингвистических куриозов.

Солженицынские описания природы обычно скудны, не могут тягаться с картинами тургеневско-пришвинскими, в них цепляют внимание объекты, созданные человеческим трудом. Исключение составляет разве что «нерукотворный в мире сделанных» Кавказский хребет. Другое дело — солженицынские картины города. Он рисует Москву с топографической строгостью и выверенностью, практически недоступной даже коренному москвичу. Описание вида на столицу от церкви Никиты Мученика из «В круге первом» (кстати, здесь же, на Таганке, совсем недалеко от улицы Солженицына) заставило меня однажды разлюбить высотный дом на Котельнической — впечатляющая сама по себе, эта конструкция убила одно из прекраснейших доступных москвичу впечатлений. Или изумительная в своей красоте панорама индустриальных окраин Петербурга, данная через маршрут невского паровичка в «Октябре шестнадцатого».

Городское сознание Солженицына, однако, не мегаполисное. Вчитаемся в оду Ростову-на-Дону в «Дороженьке», где город оказывается хорош тем, что в нем не творилась большая и кровавая история, перепахивающая человеческие жизни: «Мой милый город! Ты не знаменит / Ни мятежом декабрьским, ни казнию стрелецкой», и именно поэтому он был идеальным пространством для простой, бесхитростной русской жизни: «Пока в Москве на дыбе рвали сухожилья, / Сгоняли в Петербург Империи служить, — / Здесь люди русские всего лишь только — жили, / Сюда бежали русские всего лишь только — жить»[6].

---

[3] Солженицын Александр. Дороженька. Повесть в стихах. Глава третья. Серебряные орехи. — Солженицын А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., «Время», 2016. Т. 18. Раннее, стр. 49.

[4] Цымбурский В. Л. Александр Солженицын и русская контрреформация. — В кн.: Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М., «РОССПЭН», 2007, стр. 483.

[5] Солженицын А. И. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. — Солженицын А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., «Время», 2018. Т. 28, стр. 47.

[6] Солженицын Александр. Дороженька. Глава третья. Серебряные орехи... стр. 40.

Исчезновение этого естественного и разумно устроенного мира, где *«можно было жатвы ждать, посеяв»* и есть та катастрофа, которую он описывает в «Красном Колесе».

Первые главы «Августа Четырнадцатого», картины дома Томчаков, до боли напоминают американский «южный роман», показывающий мир, который вот-вот исчезнет, сожженный солдатами Шермана. Солженицын вообще не застал своего старого мира «Августа», родился уже после его краха, не зацепил даже краешком детских воспоминаний.

Он вынужден реставрировать этот мир в себе самом из обломков, — упрощая, идеализируя, многое додумывая. Отсюда мнимая «выдуманность» его России, о которой писал о. Александр Шмеман (удивительный случай человеческой дружбы при полном идейном взаимонепонимании): «...той России, которой служит, которую от „хулителей" защищает и к которой обращается Солженицын, — России этой *нет* и никогда не было. Он ее выдумывает, в сущности, именно *творит*. И творит „по своему образу и подобию", сопряжением своего огромного творческого дара и... гордыни»[7].

На самом деле Солженицын, конечно же, не выдумщик и не утопист. Он анти-атопист. Все, что он делает, проникнуто тревогой об отсутствии места. Ни у него лично, ни у всего того городского сословия, разумом и голосом которого он является, нет места. У русских как нации нет места. Нет места не потому, что не было и быть не могло, а потому, что *отобрали*.

> До 1917, уже несколько веков, казалось естественно принятым, что Россия — это государство русское. Даже при разнонациональности имперского аппарата (значительной прослойки немецкой и немецко-балтийской, да и других) — без оговорок понималось и принималось, что государство держится и ведётся русским племенем. Но уже от Февраля это понимание стало расплываться, а под раскалённым ленинским катком — русский народ уже и навеки потерял основания считать Российское государство своим — но Чудищем на службе III Интернационала. Ленин и его окружение неоднократно заявляли и осуществляли: развивать и укреплять государство за счёт подавления великоросского этноса и использования ресурсов срединно-российских для укрепления и развития окраинных национальных республик. А в области идеологии и культуры это сказалось ещё разительней: в 20-е годы произошёл прямой разгром русской культуры и русской гуманитарной науки. С тех пор-то и разделились судьбы: нового государства — и русского народа[8].

Да мало того, что отобрали, — мешают вернуть, выхватывают и бьют по рукам при попытке взять свое назад.

> Зубы русоненавистников уже сейчас рвут русское имя. А что же будет потом, когда в слабости и немощи мы будем вылезать из-под развалин осатанелой большевицкой империи? Ведь нам не дадут и приподняться...
>
> Постепенно с годами <...> выяснился истинный смысл моего нового положения и моя новая задача. Эта задача: отстояние неискажённой русской истории и путей русского будущего. К извечным врагам большевикам прибавляется теперь и враждебная восточная и западная образованщина, да кажется — и круги помогущественней...
>
> Распалил я бой на главном фронте — а за спиной открылся какой-то Новый? Сумасшедшая трудность позиции: нельзя стать союзником коммунистов, палачей нашей страны, но и нельзя стать союзником врагов нашей страны. И всё время — без опоры на свою территорию. Свет велик, а деться некуда. Два жорна[9].

---

[7] Шмеман Александр. Дневники. 1973 — 1983. М., «Русский путь», 2005, стр. 488.

[8] Солженицын А. И. «Русский вопрос» к концу XX века. — Солженицын А. И. Русский вопрос на рубеже веков. М., «АСТ», 2016, стр. 149.

[9] Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. — «Новый мир», 2000, № 9, стр. 137.

Солженицынская стратегия в этой трудной позиции — воссоздать свою территорию, «выдумать» Россию — ее границы, устройство, политику, экономику, идеологию, ее место в мире и мир вокруг нее, даже географию. А выдумав — воплотить, сделав слово материальным. Такое иногда удается политикам или религиозным пророкам, но почти никогда — писателям. Обычно художники слова создают поэтический образ страны, который потом воплощается прагматиками едва ли не с точностью до наоборот. Россия Солженицына, напротив, состоит из точных инструкций, строгих идеологических линий, рекомендаций, директив и даже ультиматумов.

Можно долго говорить о Солженицыне как о писателе. Одна беда — зачастую приходится говорить с нечитателями, с теми, кто, схватив по верхам, а то и вообще не притронувшись, полагаясь на руководство «Искусство говорить о книгах, которых вы не читали», начинают самоуверенно шпарить что-то вроде: «Солженицын последний соцреалист, но хорошая у него только лагерная проза, но и в ней у него нет пронзительного таланта Шаламова, да и вообще слишком политический»... И еще до кучи верхоглядных образованческих суждений.

Прежде всего Солженицын — это портретист судеб, русских судеб на переломе. Сжатая биография, порой почти плутарховская, это его основной жанр, фрагменты которого собираются и в эпические полотна романов, и в небольшие рассказы. При желании почти всю прозу писателя можно разъять на большие и малые биографии и издать в таком виде. Солженицын — великий русский писатель-баталист. Казалось бы, невозможное почти дело — артиллеристу (а этот взгляд на войну через пушечный прицел у него всюду) превзойти другого артиллериста — Толстого, но солженицынские картины войны как войны точнее, сосредоточенней на боевой работе. Из них собирается «Август Четырнадцатого», видимо, — лучший военный роман во всей мировой литературе. Сколь ни обильно было поле «лейтенантской прозы», Александр Исаевич изрядно подвинул ее, написав «Желябужские выселки» и «Адлиг Швенкиттен». Еще можно сказать о Солженицыне как о пронзительном и откровенном эротическом писателе, но это так далеко от литературоведческих и журналистских стереотипов, что даже и не прикасаются.

Впрочем, и о собственно «лагерном» Солженицыне зачастую тоже бочком, бочком. Иосиф Бродский хорошо определил «Архипелаг» как эпос[10]. Своего рода «Илиаду» русской боли. Однако на деле Солженицын — все-таки не Гомер, а Геродот. В условиях, когда архивы закрыты, конвоиры молчат, а свидетели испуганы, он ухитряется собрать достаточно показаний и достроить их скудными открытыми источниками да впечатлениями собственных «путешествий» так, что получается целостная, леденящая, но и закаляющая душу картина.

Довольно комичны нападки сегодняшних неокоммунистов на «фальсификации» и «ошибки» в «Архипелаге». Во-первых, потому что нападают... фальсификаторы, оперирующие откровенными подделками вроде «письма маршала Чуйкова». Во-вторых, потому, что Солженицын, при всех понятных (и чаще всего простительных) погрешностях в хронологии и именах, неизбежных для устной истории, удивительно точен в передаче первоисточника. Я убедился в этом, сравнивая изложение в «Архипелаге» с рассказами свидетелей, доживших до эпохи свободы печати.

Вот, к примеру, свидетельство протоиерея Виктора Шиповальникова: «Нас везли до какого-то места, потом сообщили, что далее пути неисправны и остаток пути в пять километров надо идти пешком. А мороз 45 градусов. Шли мы по снегу, а ряса у меня вся снизу намокла и оледенела. <...> Помню, я отставал, а там собаки. Охранники прикладом били, чтобы не отставал...»[11]

---

[10] Бродский Иосиф. География зла. — «Литературное обозрение», 1999, № 1, стр. 4.

[11] Шиповальников В. Г. «Я с малолетства был при церкви...» — «Мир Божий», 2003, № 1 (9), стр. 32 — 33.

А вот изложение того же свидетельства Солженицыным:

> Пустое снежное поле. Вышвырнутых из вагонов посадили в снегу по шесть человек в ряд и долго считали, ошибались и пересчитывали. Подняли, погнали шесть километров по снежной целине. Этап тоже с юга (Молдавия), все — в кожаной обуви. Овчарок допустили идти близко сзади, они толкали зэков последнего ряда лапами в спину, дышали собачьим дыханием в затылки (в ряду этом шли два священника — старый седовласый о. Фёдор Флоря и поддерживавший его молодой о. Виктор Шиповальников). Каково применение овчарок? Нет, каково самообладание овчарок — ведь укусить как хочется![12]

Перед нами один и тот же рассказ с минимальными погрешностями — таких больше насчитаешь у иных маститых историков при пересказе своими словами летописей. Художественное да, но исследование.

Солженицын, в условиях молчания профессиональных ученых, берется за одну из важнейших задач истории — реконструкцию исторической картины вершащейся русской судьбы. И делает это порой с большим чутьем. «Красное Колесо» — это еще один великий эпос, скорее уже «Махабхарата», чем «Илиада», а потому большинству читателей кажущийся неподъемным. Задача — в условиях крайней бедности (особенно в первых томах) материала реконструировать ход революции не только как движение масс, но и как сцепление индивидуальных судеб.

Иногда эта бедность материала страшно давит, особенно когда писатель берется за реально существовавших героев, оставивших нам свои мысли и мнения. Куда как естественней звучали бы в устах генерала Нечволодова реплики, созвучные его «Сказаниям о Русской Земле», в устах А. А. Свечина суждения из его «Искусства вождения полка» или «Стратегии». Ольда Андозерская, кажется, никогда не читала книг Ольги Добиаш-Рождественской о крестовых походах, не блещет знанием ни французского, ни латыни, зато говорит цитатами из монархической публицистики Ивана Ильина и ругает кадетов (профессор состояла в кадетской партии). Здесь мы как бы нащупываем границы достоверности солженицынской «выдуманной» России.

Однако на деле герои эпоса прекрасно обходятся без своих прототипов — воюют, влюбляются, спорят, населяя созданный Солженицыным объемистый, но плотный мир из взаимно перекрещивающихся романов, повестей, трактатов, статей, дневников и даже фантасмагорий, как с появляющимся из чемодана Парвусом. Вылезши из дорожной емкости, этот господин вольготно разместился даже в популярных сериалах — данный факт можно считать своеобразным официальным признанием победы солженицынского взгляда на механику революции.

Описание этой механики создает не менее жуткие страницы, чем картины жестокостей «Архипелага». Ты видишь, как это убьет то. Как шепотки в рабочих подсобках о «царице, продающей государственные секреты» и выкрики подученного шалопая о том, что не нужна Рига, пусть немец забирает, превратятся в пытки на Секирной горе, лагпункты и расстрелы. И все это преломится через судьбу рабочего-министра Кузьмы Гвоздева. «Обуховские» главы «Октября шестнадцатого» — одни из самых страшных в эпопее: показано, как две нации, инженерская и рабочая, пытаются стать одной и как эта попытка торпедируется национальной изменой, рядящейся в тогу пролетарской интернациональности.

Сколь огромное значение историко-публицистическое начало имеет в солженицынском эпосе, показывает судьба «Августа Четырнадцатого». Цельный, композиционно строгий, летящий как стрела военный роман во втором издании искусственно разрывается столыпинскими, богровскими и царскими (местами ужасно несправедливыми, в последнем случае) главами. То, *что* надо сказать, важнее читательского удовольствия от цельности художественного текста. Ты обязан узнать правду о Столыпине, и, если для этого придется эксплуатировать

---

[12] Солженицын Александр. Архипелаг ГУЛАГ. 1918 — 1956. Опыт художественного исследования. Ч. 2. Гл. 3. Караваны невольников. — Солженицын А. И. Собрание сочинений в 20 т. Вермонт — Париж, «YMCA-Press», 1980. Т. 5, стр. 544.

твое внимание, напряженное только что свершившимся выходом Воротынцева из окружения, Солженицын сделает это не задумываясь, подчиняя писателя публицисту и политику. Результат налицо — Столыпин сегодня самый популярный государственный деятель былой России, по сути, государственный идеал. И вряд ли тут есть чья-то бóльшая заслуга, нежели Солженицына.

Собственно публицистику в составе солженицынских творений приходится вычленять апофатически. Это те произведения, в которых полностью отсутствует художественный элемент, которые представляют с собой сгусток общественно-политических идей.

Обычно интерес к публицистике и политическим воззрениям того или иного писателя ситуационен, так как эта публицистика выступает лишь в качестве «вторичной литературы» и ее злободневность угасает за считаные десятилетия. Публицистика второстепенна в том случае, когда она *отражает* общественные процессы, содержит высказывания писателя как представителя чистого искусства о тех или иных волнующих проблемах.

Совсем иное дело, когда перед нами высказывания исторического *деятеля*, те инструменты, с помощью которых он оказывает воздействие на ход истории. Будучи деятельностью крупнейшего представителя общественного движения в России и мировой консервативной мысли, публицистика Солженицына имеет первостепенное значение. Русскому писателю и мыслителю удалось сдвинуть метаисторическую ось эпохи, и за счет этого смещения у его якобы «выдуманной» страны появилось место.

Солженицыну удалось закончить одну большую историческую эпоху, описываемую безжалостным политическим уравнением Токвиля: «Постепенное установление равенства есть предначертанная свыше неизбежность»[13], — и начать какую-то другую. Сущностью той эпохи, которой Солженицын себя противопоставил, был названный им «орбитальный путь»: «Возрождение — Реформация — Просвещение — физические кровопролитные революции — демократические общества — социалистические попытки... Нас тянули, гнали в Дух — насилием, и мы рванули, нырнули в Материю, тоже неограниченно. Так началась долгая эпоха гуманистического индивидуализма, так начала строиться цивилизация на принципе: человек — мера всех вещей...»[14]

Двумя одинаково ядовитыми плодами Просвещения, вызревшими на этом пути, были либерализм — сын Вольтера и коммунизм — сын Руссо. «Коммунизм — двоюродный брат радикал-либерального гуманизма Запада. Они из одного безбожного Просвещения XVIII века истекли»[15]. Солженицын интеллектуально расправляется с обоими братьями. С одним — при помощи тяжелого, как боевой топор, «Архипелага». С другим — при помощи тонкой, как стрела, Гарвардской речи.

«Архипелаг» сотряс прежде всего не Россию, а Запад. Власть Политбюро над Россией не была бы устойчивой и долговечной без прикорма советской системы из-за рубежа — таково было глубокое убеждение Солженицына, — а потому, чтобы освободить Россию от коммунизма, необходимо прекратить его внешнюю поддержку. Это было невозможно без излечения поразившей Запад зависимости от «опиума интеллектуалов» (как выражался Раймон Арон), веры в «хороший коммунизм» и в благодетельность принудительно устанавливаемого равенства.

«Была одна идеологическая атмосфера до Солженицына — и другая после», — отмечал французский журналист Бернар Пиво[16]. Фактически в одиночку Солженицын сдвигает общественное мнение и политику Америки

---

[13] Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М., «Прогресс», 1992, стр. 23.

[14] Солженицын А. И. Слово при получении премии «Золотое клише». — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995. Т. 1, стр. 196.

[15] Солженицын А. И. «Прямая линия» в «Комсомольской правде»: Телефонный разговор с читателями (15 апреля 1996). — В кн.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. СПб., «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2015, стр. 422.

[16] Солженицын А. И. Парижская встреча в прямом эфире... Т. 3, стр. 416.

и Европы вправо. «Архипелаг» делает беспочвенными и аморальными любые конструкции, построенные на принципах примирения, разрядки и конвергенции коммунистической и западной либеральной систем.

Если смотреть со стороны, Солженицын, по крайней мере первые несколько лет на Западе, выглядит как настоящий «ястреб холодной войны». Он всюду поддерживает правые силы, критикует любые проявления разрядки, призывает к недоверию при любых переговорах с Советским Союзом — он говорит то о Вьетнаме, то об Испании, то об Анголе, то о Сальвадоре.

Из солженицынских выступлений атмосфера непримиримости к коммунизму начинает разливаться по кабинетам западных политических и интеллектуальных элит. Правда, эта непримиримость сразу же приобретает специфичный русофобский оттенок. Если Солженицын зовет к противостоянию коммунизму как мировому злу, то пропагандистская машина холодной войны призывает бить по России, как мировой угрозе. Там, где Солженицын говорит «советское», «коммунистическое» пресса уверенно пишет «русское».

Писатель потратил немало усилий в надежде скорректировать этот идеологический прицел. Он пишет одну за другой статьи на тему «Чем грозит Америке плохое понимание России» и полемизирует с идеологами русофобии типа Ричарда Пайпса, видящими на бердяевско-устряловский образец в красной империи не коммунистическую утопию, а воплощение царской России в новом обличье. Однако в изменении этой атмосферы Солженицын преуспел тем меньше, что на влияние его одного приходится встречное влияние «третьей эмиграции», которая не только не разубеждает Запад в этой русофобии, но и намеревается получать с нее свой процент прибыли.

Приданное Солженицыным Западу ускорение «решительности» и «мужества» не исчерпалось и по сей день, правда, заточено оно оказалось весьма специфично — почти исключительно против России, ее союзников и сил, защищающих христианскую традицию. Запад «отважно» бомбил Югославию. «Можно — о, только ради гуманных целей! — три месяца бомбить многомиллионную европейскую страну, лишая крупные города и целые области живительного в наши дни электричества и без колебания разрушая достопамятные европейские дунайские мосты. Во имя ли того, чтобы охранить от депортации одну часть населения — и обречь на нее другую часть?»[17] Запад «решительно» придвинул базы НАТО к границам России. «Расширение НАТО — что это?.. Если не окажется достаточно удушения российского экспорта тарифами (кроме понуждаемо дешевого экспорта сырья); не окажется достаточно и неумолимой диктовки внутрироссийских программ взамен на расслабляющие займы, — то в запасе будет „обезврежение" России до обморочного состояния»[18]. Запад «мужественно» не признает прав России на Крым. «Крым и Севастополь: любой трезвый ум, с любой стороны, согласится, что крымский вопрос во всяком случае очень сложный, а для спора о Севастополе у Украины нет правовых аргументов. Но Госдепартамент Соединенных Штатов, решив не затруднять себя рассмотрением истории... утверждает, что и Крым и Севастополь — несомненная принадлежность Украины»[19]. И все это во имя неприемлемых для Солженицына ценностей и политических принципов либерализма, который посредством «культурного марксизма» плавно перетекает в коммунизм нового образца.

Солженицына можно было бы упрекнуть, что он оказал своему Отечеству весьма сомнительную услугу, по сути — вооружил и вдохновил врага. «Целился в коммунизм, а попал в Россию», как выразился Александр Зиновьев. Собственно, именно такой упрек и делается писателю в оголтелой антисолженицынской пропаганде современных неокоммунистов, мешающей домыслы с вымыслами и уснащающей их фальшивками.

---

[17] Солженицын А. И. Перерождение гуманизма (Речь при вручении Большой премии Французской Академии моральных и политических наук, Москва, 13 декабря 2000). — В кн.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию?.. стр. 487.

[18] Солженицын А. И. Лицемерие на исходе XX века. — Там же, стр. 445.

[19] Там же, стр. 443.

Этот упрек был бы справедлив, если бы писатель и политик ставил своей задачей *сблизить* Россию и Запад, содействовать усвоению русскими «общечеловеских ценностей» либерализма, влить нас в глобальную систему. Но цель Солженицына была прямо противоположной — способствовать расцеплению России и Запада. Запад для Солженицына не геополитический противник, а воплощение духа модерна. «Я не противник Запада, но я противник обезличивающей современности»[20]. Освободившись от коммунизма, питаемого западной поддержкой, Россия должна отодвинуться и от Запада, уйти в своего рода изоляцию, перестать участвовать в глобализации ни в форме сближения-конвергенции, ни в форме соперничества-холодной войны.

Именно в этом смысл национал-изоляционистского манифеста — «Письма вождям» и находящихся с ним в одной обойме статей сборника «Из-под глыб». Солженицын опасается со стороны советской системы того же, чего и со стороны западной, — консолидации на основе общего просвещенческого проекта обезбоженного секулярного гуманизма с упором на бытовой комфорт. Он отлично понимает, что в процессе сближения именно коммунизм будет поглощен либерализмом, но это будет означать уже окончательное переваривание России.

Исходным импульсом для превращения Солженицына в политического публициста становится «проект Сахарова», предполагавший соединение «левых коммунистов-ленинцев и западников» с «левой буржуазией» на платформе общей победы над сталинистами, маоистами, правыми империалистами и клерикалами с целью последующего установления «очень интеллигентного мирового правительства» и сглаживания национальных противоречий. Иными словами, Сахаров предлагал конструирование «мира без Россий» (что в нем станется с Латвиями, кстати сказать, оставалось непроговоренным)[21].

Здесь завязка того спора Солженицына с Сахаровым, который постепенно от мечтаний о мировом правительстве перешел к реалистичной борьбе за мировое гражданство — фундаментальное право на эмиграцию. «Сегодняшний Сахаров достаточно много видит в советской жизни, он уже не кабинетный удаленец. И — какую же вопиющую боль, какую страстную безотложную нужду он возносит первее и выше всех болей и нужд раздавленной, обескровленной, обеспамятенной и умирающей страны? Право дышать? Право есть? Право пить чистую воду, а не из колодцев прошлого века и не из отравленных рек? Право на здоровье? рожать здоровых детей? Или бы: право на свободное передвижение по стране с правом вольного найма на работу и увольнения, то есть освобождения от крепостничества? Нет! Первейшим правом — он объявляет *право на эмиграцию!*» — возмущается Солженицын в записях 1980-х[22].

В противоположность ему Солженицын мыслит началом и источником всех прав — право нации жить на своей земле, что и выливается в постановку вопроса о воссоздании *собственной территории*, которая могла бы быть опорой для русских.

Сахаровскому глобализму Солженицын последовательно противопоставляет национализм. «Вперерез марксизму явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей

---

[20] Солженицын А. И. Телеинтервью японской компании «Нихон». — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1997, Т. 3, стр. 48.

[21] Генезису идеологии сборника «Из-под глыб» посвящена моя статья: Холмогоров Е. С. Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына. — «Тетради по консерватизму», 2017, № 4, стр. 45 — 64. Вторая часть статьи — принята к публикации в том же издании и доступна на сайте автора под заглавием «Идеология Солженицына» <**http://100knig.com/ideologiya-solzhenicyna**>.

[22] Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. — «Новый мир», 2000, № 9, стр. 146.

степени, чем личностями?»[23] «Исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились, в один характер, в одно лицо. Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его»[24]. В конечном счете это чеканится в формулу философии истории:

> До сих пор вся человеческая история протекала в форме племенных и национальных историй, и любое крупное историческое движение начиналось в национальных рамках, а ни одно — на языке эсперанто. Нация, как и семья, есть природная непридуманная ассоциация людей с врожденной взаимной расположенностью членов...[25]

Впрочем, признать ценность существования наций были согласны в тогдашнем диссидентском движении многие, если... речь идет о правах малых наций, которые подрывают «великорусский державный шовинизм». Национализм был рукопожатен как «антиколониализм», заточенный против больших наций и прежде всего против русской, которая должна, как и требовал некогда Ленин от «великорусского держиморды», бесконечно каяться и платить за свои действительные и мнимые вины.

«Кто начинает раскаиваться первым, раньше других и полней, должен ждать, что под видом покаянщиков слетятся и корыстные печень твою клевать»[26]. В предупреждение этого явления татей в национальной нощи Солженицын и пишет статью «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», где предлагает раскаяние, ограниченное взаимностью до той черты, где начинается самоистязание на смех враждебному чужаку. Формулы оттуда столь задели «наших плюралистов», представлявших раскаяние России как поклев дармовой печенки:

> ...острота раскаяния как личного, так и национального очень зависит от сознания встречной вины? Если обиженный нами обидел когда-то и нас — наша вина не так надрывна, та встречная вина всегда бросает ослабляющую тень. Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды. Вина перед эстонцами и литовцами всегда больней, стыдней, чем перед латышами или венграми, чьи винтовки довольно погрохали и в подвалах ЧК и на задворках русских деревень. (Отвергаю непременные здесь возгласы: «так это не те! нельзя же с одних — на других!..» И мы — *не те*. А отвечаем все — за всё.)[27]

По Солженицыну идея нации складывается из самоограничения с одной стороны и из самобытности и самостояния с другой. Он — философ свободы. Но свободы, понятой не как безграничность возможности, а как самоограничение. Доктрина Просвещения базировалась либо на локковском принципе взаимного ограничения индивидами друг друга, а там, где ограничения со стороны другого нет, — безгранична свобода — это давало либеральный извод просвещенчества и доктрину прав человека, либо на руссоистском принципе слияния индивидов в сверхсубъекта, неограниченного коллективного суверена, — это давало радикальный извод просвещенчества и якобинско-большевистские практики.

Солженицын противопоставляет этому идею самоограничения, ограничения себя изнутри как основания истинной свободы. Здесь мы снова обнаруживаем полярность с Сахаровым, с его знаменитой формулой: «Смысл жизни — в экспансии». Для Солженицына смысл жизни как раз в отказе от экспансии и добровольном самоуглублении, освоении своего. Он цитирует старообрядческий журнал: «Кроме самостеснения нет истинной свободы человеческой» и

---

[23] Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания. — В кн.: Из-под глыб. Сборник статей. Paris, «YMCA-PRESS», 1974, стр. 19.

[24] Солженицын А. И. Нобелевская лекция. — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995. Т. 1, стр. 16.

[25] Солженицын А. И. Образованщина. — В кн.: Из-под глыб, стр. 246.

[26] Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. — В кн.: Из-под глыб, стр. 136.

[27] Там же, стр. 141.

далее резюмирует: «После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма, — вот воистину христианское определение свободы: свобода — это *самостеснение*! самостеснение — ради других!»[28]

Отсюда такие черты политического мировоззрения Солженицына, как национализм, антиимпериализм, антиглобализм, установка на собирание и сбережение, а не разбрасывание и растрату. Его главный упрек к политике Российской империи (не всегда неуместный и сегодня) выражен емкой пословицей: «Тетушка Федосевна до чужих милосердна, а дома не евши сидят». Его всегдашний и неослабный упрек власти — имперской, советской, либеральной — невнимание, небрежение русским народом и его интересами, нежелание власти видеть в русских цель, а не средство.

Настоящим шоком для многих в «образованческой» среде было то, что Солженицын заговорил о правах и самоуважении русской нации. Разумеется, в русоцентризме для той эпохи не было ничего нового, с 1965 года, с манифеста Корина, Коненкова и Леонова «Берегите святыню нашу» шло русское этническое возрождение (скромный солженицынский вклад в легальные его формы — рассказ «Захар Калита», возможно, только потому и пробившийся в печать, что попадал в логику кампании по сохранению наследия). Однако этот русоцентризм безошибочно связывался интеллигентским революционным правосознанием с политикой новых «душителей» — «у них подозрительно выпячиваются „народные основы", церковки, деревня, земля» для того, чтобы поносить Запад как «псевдоним всякого свободного веяния в нашей стране»[29].

Сменовеховский «контракт» между советской властью и национальной интеллигенцией предполагал принятие большевизма, коммунизма как формы русской национальной истории и государственности. Этот контракт, уже после того как Устрялову пробили череп пулей и закопали в безымянной могиле Донского монастыря (того самого, в котором в могиле поименованной будет погребен и Солженицын), был скреплен сталинскими тостами и фильмами, и он же подтвержден велеречивостью бердяевских «Истоков и смысла русского коммунизма». Коммунизм закрепил за собой все права на русское. Именно русское было объявлено самым темным, самым гнетущим, самым убийственным в коммунизме.

Солженицын разрывает этот подписанный кровью составителей национал-большевистский контракт с властью: «С вами мы не русские!» — обухом в «Архипелаге». Скажи он только это — многие бы из образованческой среды еще согласились бы. Но писатель осмеливается от имени нации предложить своеобразное перезаключение контракта. С вами мы не русские, но у вас еще есть возможность быть русскими с нами — именно таков смысл предуведомления в «Письме вождям».

> Преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице — где уродился, там и пригодился, а глубже — из-за несравненных страданий, перенесенных нами. И это письмо я пишу в *предположении*, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы не чужды своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы — не безнациональны[30].

В условиях, когда русская нация демонтирована, Солженицын берет на себя головокружительную смелость не просто говорить от ее имени, по сути — быть ею единолично и предложить новый договор между нацией и властью. Власть отказывается от коммунизма, от колхозов, от гигантомании и растраты национальных ресурсов, от экспорта революции и глобализации через холодную войну — надобно «перестать выбегать на улицу на всякую драку». Сосре-

---

[28] Там же, стр. 144.

[29] Солженицын А. И. Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. — Солженицын А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., «Время», 2018. Т. 28, стр. 251.

[30] Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза. — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995. Т. 1, стр. 149.

доточиться следует на внутреннем развитии — на восстановлении измочаленной деревни, на сбережении малых городов, на избавлении народа от духовной оплеванности, на движении к Северо-Востоку. «Наш океан — Ледовитый, а не Индийский».

Это направление подсказывается Солженицыну его логикой борьбы за свою территорию. Установить русских на той части суши, где наши права никем и никак не могут быть оспорены, где нам гарантировано обладание *своим*. В этом может почудиться некоторая безысходность. Россия-Золушка, которой не досталось теплых морей, говорит «зелен виноград» и оборачивается к Северу.

Без малого полвека спустя дело выглядит иначе — климатический сдвиг делает из русского Северо-Востока привилегированное пространство — открывающееся для жизни, ломящееся от природных ресурсов, как осенняя кладовая в урожайный год, и практически не освоенное. Ледовитый океан прямо на глазах сравнивается в судоходности с Индийским, в свете чего геополитикам американских ВМС срочно приходится пересматривать маккиндеровскую концепцию «оси мировой истории», построенную на том, что русский «Хартленд» — это навсегда запертое льдами бесточное пространство, а не развернутое к открытым океанам самое протяженное в мире побережье[31].

Главное, что предложено от имени русских «вождям» в обмен на декоммунизацию, — возможность сохранения власти. Тоталитарный режим вполне может преобразовать себя в авторитарный, и в том не будет ничего дурного. Сахаровской демократической утопии Солженицын противопоставляет впечатляющую историософию, полностью разрывающую с просвещенческой перспективой прогресса:

> ...в долгой человеческой истории было не так много демократических республик, а люди веками жили, и не всегда хуже. Даже испытывали то пресловутое счастье, иногда названное пасторальным, патриархальным, и не придуманное же литературой. И сохраняли физическое здоровье нации (очевидно так, раз нации не выродились). И сохраняли нравственное здоровье, запечатленное хотя бы в фольклоре, в пословицах, — несравненно высшее здоровье, чем выражается сегодня обезьяньими радиомелодиями... Среди тех государственных форм было много и *авторитарных*, то есть основанных на подчинении авторитету, с разным происхождением и качеством его... И Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм и тоже сохраняла себя и своё здоровье, и не испытала таких самоуничтожений, как в XX веке, и миллионы наших крестьянских предков за десять веков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь[32].

Солженицын отвергает неявно заложенный в прогрессистскую модель тезис о возрастании ценностного веса истории в зависимости от столетия, когда XIX век «весит» бесконечно больше XIII-го, а XX-й «тяжелее» XIX-го. В исторической оптике, в которой двадцатый век не значительней и не весомей десятого, тысячелетия авторитарных патриархальных режимов, конечно, представительней, чем короткий век «демократических республик», никак не доказавший ни свою устойчивость, ни свою долгосрочную эффективность.

Писателя гораздо более тревожит не то самодержавие, что было в прошлом, а те «самодержавия», точнее, тоталитарные диктатуры, которые существуют в настоящем, в виде коммунистических партократий, или будущем, в виде либеральных технократий «очень интеллигентных» людей.

> Страшны не авторитарные режимы, но режимы, не отвечающие ни перед кем, ни перед чем. Самодержцы прошлых, религиозных веков при видимой неограничен-

---

[31] Antrim Caitlyn L. The Next Geographical Pivot: The Russian Arctic in the Twenty-first Century. — «Naval War College Review», Vol. 63, № 3, Summer 2010.

[32] Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания. — В кн.: Из-под глыб, стр. 25 — 26.

ности власти ощущали свою ответственность перед Богом и собственной совестью. Самодержцы нашего времени опасны тем, что трудно найти обязательные для них высшие ценности[33].

У традиционного русского авторитаризма такая ценность с очевидностью была:

...выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание — не идеологию всеобщего насилия, а православие, да древнее, семивековое православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, еще не издерганное Никоном, не оказененное Петром[34].

По сути, Солженицын переоткрывает уваровскую триаду в своеобразном диалектическом движении: обратившись к народности и укрепившись православием, даже дикая коммунистическая власть может обернуться русским самодержавием, если будет покоиться на надлежащем нравственном основании и откажется от тотального насилия и лжи. Переобосновав себя на национальном принципе, покончивши со своей национальной отчужденностью, советская власть могла бы продолжить быть властью.

Состояние, в котором было написано письмо, Солженицын сам позднее определяет как «протрезвление»: «Я интуитивно, на ощупь, сам для себя внезапно и ни под чьим влиянием, в одинокий день в Рождестве-на-Истье, протрезвился до „Письма вождям”. В лагерное время мы только и мечтали о революции в нашей стране, и потом долгие годы по инерции я оставался в том же чувстве, — а вот открылось мне, что спасение наше — только в эволюции режима, иначе все у нас разрушится доконечно»[35].

Разумеется, не Солженицын первый размечтался о такой эволюции. Однако он первый не дал за это аванса, отказался признавать ее *до* того, как она изменится, и тем самым свернул с проторенной дороги сменовеховцев, евразийцев, Шульгина и многих других.

Солженицын предложил власти предельно консервативную программу — без всяких революций, без нового тура потрясений, России вновь стать Россией, обратиться на себя, вырваться из смертельной ловушки войны-конвергенции с либеральным Западом, которая грозит общим крахом при исчерпании мировых ресурсов.

Излишнее доверие к интеллектуальному мошенничеству «Римского клуба» с его «пределами роста» и антииндустриализмом — пожалуй, самое уязвимое место «Письма вождям», этот мотив, кстати, существенно скорректирован в поздних работах, как «Перерождение гуманизма», где он указывает на лицемерие Запада, стремящегося сохранить экосистему и ресурсы для богатых за счет деиндустриализации бедных:

...из общего употребления стал исчезать термин «прогресс для всех». Если где-то нужны какие-то уступки, то почему от нас, наиболее эффективных и приспособленных народов, от «золотого миллиарда»?.. Разрыв между передовыми странами и отсталыми не только не сокращается, но увеличивается... действует жёсткий закон: единожды отставший обречён отставать и дальше... если нужно сколько-то приглушить индустрию на Земле — не естественно ли сделать это за счёт Третьего мира?..[36]

---

[33] Там же, стр. 26 — 27.

[34] Солженицын А. И. Письмо вождям Советского Союза. — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995. Т. 1, стр. 181.

[35] Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. — «Новый мир», 2000, № 9, стр. 137.

[36] Солженицын А. И. Перерождение гуманизма (Речь при вручении Большой премии Французской Академии моральных и политических наук, Москва 13 декабря 2000). — В кн.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию?.. стр. 485 — 486.

Наибольшую наивность Солженицын проявил, предположив, что его программа может быть принята Политбюро в интересах продолжения противостояния с Западом. Не противостояния хотели кремлевские тогда еще не старцы, а *признания* и *слияния*, торжества, подобного тому, которое совершилось в 1975 году в Хельсинки. Солженицына не недопоняли, а напротив — слишком хорошо поняли и потому извергли «во тьму внешнюю», на тот самый Запад, наущать против которого он смел в своем письме.

Тут-то становятся понятны причины, по которым сокол русского цивилизационного изоляционизма обернулся «ястребом холодной войны». СССР надлежало *вытолкнуть* из западной системы усилиями самого Запада, который должен был содействовать краху коммунизма и в то же время не позволить России раствориться в либеральном миропорядке. Антисоветский напор Запада, в котором причудливо переплелись антикоммунистические и русофобские мотивы, стал тем газом, который выбросил уже постсоветскую Россию из «мирового сообщества» и позволил ей стать самой собой.

Россия имеет право быть собой. Все великие цивилизации мира имеют право быть собой. Это центральный тезис «Гарвардской речи», которая сдвигает ось истории идей, а за нею и реальной политики.

> Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура, да ещё широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счёту Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если два последние можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия, — хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня в её коммунистическом плену...[37]

Тезис о множественности и самобытности цивилизаций произвел куда более фундаментальные изменения в западном мышлении, чем эффектная, но проигнорированная, по сути, критика Солженицыным отступления Запада от собственных цивилизационных начал. Благодаря русскому писателю мир начал осознавать свою множественность. Однако не раздробленную по индивидам, а собранную в большие традиции и культуры:

> Человечество развивается не единым потоком, а отдельными областями, отдельными культурами, у которых свои закономерности в развитии. Это впервые было отмечено Николаем Данилевским в XIX веке в России, потом, на переходе к XX веку, Николаем Трубецким, но не было усвоено до тех пор, пока эту же идею не провёл Освальд Шпенглер, а за ним Арнольд Тойнби. Поскольку эти культуры, эти огромные, часто замкнутые, миры развиваются не по единой команде и не по единому закону по всей Земле — то в разное время они возвышаются, усиляются, потом, наоборот, ослабляются, падают. Сегодняшнее усиление ислама, исламского фундаментализма — яркий пример этого феномена... Могут быть вспышки и других культур: восточных, дальневосточных, может быть даже африканских... В этом разнообразии мира состоит его высшая красота[38].

Универсалистская модель «модернизации как вестернизации» остается лишь для использования «самодовольным чиновником»[39] Фукуямой и заводит Америку в тупики либерального интервенционизма (впрочем, к нашим дням американский политолог перековался и прославляет марксизм, что еще раз подтверждает справедливость солженицынской мысли о единстве либерального и коммунистического крыльев просвещенческой идеологии).

В центре западной политической мысли оказывается концепция столкновения цивилизаций, признающая данилевско-тойнбианско-солженицынские

---

[37] Солженицын А. И. Речь в Гарварде. — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995, Т. 1, стр. 310.

[38] Солженицын А. И. Из интервью газете «Фигаро». — Там же, стр. 439.

[39] Солженицын А. И. Интервью швейцарскому еженедельнику «Вельтвохе». — Там же, стр. 401.

«самостоятельные миры» реальными политическими субъектами. Если Сэмуэль Хантингтон обходит молчанием очевидную связь своей концепции с Гарвардской речью (которую он, вероятно, слышал лично, будучи преподавателем университета), то идеолог правого республиканизма, а затем — трампизма Патрик Бьюкенен ссылается на русского мыслителя постоянно: «Солженицын сказал: „Чтобы уничтожить народ, нужно лишить его корней”»[40].

> Меня упрекали, что я разрушал двуполюсный мир. Я согласен этот упрёк принять: в том смысле разрушал, что, находясь в СССР, не боялся, когда головы секли, говорить о коммунизме всё, что я думал. А когда меня выслали на Запад, то, не боясь того, что нахожусь на американской земле, на их земле, я говорил всё, что думал, — о западной жизни, об Америке. И там находились такие, что писали жирными заголовками: пошёл вон, если тебе не нравится наша страна! убирайся в СССР! Да, я разрушал двуполюсный мир. Но он и не должен быть двуполюсным. Он должен быть многополюсным. Он имеет право на высокое и объёмное многообразие[41].

«Гарвардская речь» была интеллектуальным Рубиконом и для глобальной и для русской мысли — траектория орбитального пути себя исчерпала и намечается какая-то другая. Исчерпала — не значит, что уже закончилось движение по этой траектории. Но оно становится все менее естественным и все более принудительным.

Пророчество Солженицына о том, что сошедшая с коммунистических рельс Россия будет с изумлением наблюдать, как Запад принимает марксизм и коммунизм в их все более чудовищных формах, похоже, начинает сбываться. Гримасы политкорректности складываются в узнаваемую гулаговскую физиономию. Поучителен в этом смысле случай определяющего тенденции моды журнала «Vogue», который в рамках кампании за разнообразие... обрядил моделей разных рас и комплекций в одинаковые безликие едва не тюремного покроя робы. Это, конечно, «ГУЛАГ-лайт», пока чисто символический, но кто знает, как далеко зайдет дело дальше? Один из лидеров современных французских консерваторов Филипп де Вилье не случайно говорит в интервью «Фигаро» о том, что русский писатель научил его «видеть ГУЛАГ нашего времени»[42].

Солженицын покончил с монополией просвещенческого политического проекта на сочувствие человеческому страданию и, напротив, заговорил на языке боли тех, кто был замучен во имя идеалов Вольтера и Руссо вдохновленными ими революциями: французской-якобинской и российской-большевистской[43].

«Для меня этот человек непосредственно принадлежит, естественно вписывается в плеяду писателей, которые свое искусство поставили на службу борьбе за справедливость. Но ряд таких писателей — Толстой, Золя, Гюго — состоял из людей, которые полностью принимали и полностью соответствовали идеологии Просвещения. А Солженицын к этой идеологии сейчас относится критически, и в этом парадокс» — отмечал уже отнюдь не консерватор, а напротив — либерал Андре Глюксман[44].

Автор «Архипелага ГУЛАГ» всегда подчеркивал, что большевизм является плодом не русской идеи, а европейского просвещенческого утопизма.

> «Русская идея» — «главное содержание» интернационального учения, пришедшего к нам с Запада? А когда Марат требовал *«миллион голов»* и утверждал, что

---

[40] Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. М., «АСТ»; СПб., «Terra Fantastica», 2003, стр. 240.

[41] Солженицын А. И. Выступление в Саратовском университете. — В кн.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию?.. стр. 411

[42] «Солженицын научил меня видеть ГУЛАГ нашего времени». Интервью с Филиппом де Вилье. — «Le Figaro», 2018, 6 августа **<https://inosmi.ru/politic/20180806/242923750.html>**.

[43] Сходным чертам этих кровавых социальных экспериментов посвящена работа: Солженицын А. И. Черты двух революций. — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995. Т. 1, стр. 504 — 537.

[44] Солженицын А. И. Парижская встреча в прямом эфире... Т. 3, стр. 418.

голодный имеет право *съесть* сытого (какие знакомые ситуации!) — это тоже было „русское мессианское сознание”?»[45]

Убивает не «русская почва», убивает «дух 1789 года», убивает кровавое наследие Руссо, в которое неизбежно обращается рано или поздно вольтерьянское ерничество.

Русский писатель оказался подлинным духовным отцом, если не сказать пророком-вождем той консервативной альтернативы, которая обозначает себя повсюду в Европе и Америке как через государственную политику, так и через идеологии все усиливающихся оппозиционных движений. В этом «выдуманном» Солженицыным под градом насмешек и оскорблений постглобальном мире наконец находится место и для «выдуманной» им России — если и не лишенной недостатков, то выразительной в своей вопиющей нормальности, как нормальны были века мировой истории без «демократических республик».

Не сумев остановить, ни книгой-предупреждением «Март Семнадцатого», ни политической программой «Как нам обустроить Россию», — фантасмагорию нового российского феврализма, Солженицын оказывается одним из наиболее яростных его критиков. И вновь его выступления подчинены логике борьбы за *опору на свою территорию* для русских.

Остановить распад советского варианта империи невозможно (да и не обязательно нужно, коль скоро империя эта превратилась в неподъемное бремя для русских). И Солженицын выдвигает программу консолидации русского ядра этой империи в виде союза России, Украины, Белоруссии и Казахстана, чтобы максимально избежать для русских участи разделенной нации. Когда СССР «беловежская корова слизнула в одну содружную вечеринку» — призывает Ельцина отказаться от признания административных границ республик межгосударственными, в частности — вернуть Крым и поставить перед Украиной вопрос об этническом размежевании с голосованием о независимости не всей УССР, а по областям.

Россия сохраняет право на пересмотр границ с некоторыми из отделяющихся республик. Это особенно остро — с границами Украины и Казахстана, которые произвольно нарезали большевики. Обширный Юг нынешней УССР (Новороссия) и многие места Левобережья никогда не относились к исторической Украине, уж не говоря о дикой прихоти Хрущёва с Крымом. И если во Львове и Киеве наконец валят памятники Ленину, то почему держатся как за священные — за ленинские фальшивые границы, прочерченные после гражданской войны из тактических соображений той минуты? ...Я с тем и спешу, чтобы просить Вас: защитить интересы тех многих миллионов, кто вовсе не желает от нас отделяться[46].

Отношение Солженицына к украинской проблеме тем более показательно, что его собственная идентичность всегда была русско-украинской, он никогда не отрицал права Украины на существование, но в реальных, исторических этнических границах.

В результате внезапного и грубого установления границ внутри славянских народов миллионы семейных и дружеских связей оказались разрушены. Разве это можно принять безропотно? Недавние выборы на Украине, к слову, явно демонстрируют предпочтения жителей Крыма и Донецка... Я сам почти наполовину украинец. В детстве я слышал очень много украинской речи. Я люблю эту культуру и искренне желаю Украине всяческих успехов, но только в её истинных этнических границах — без прихваченных по дороге российских территорий. И уж точно не в качестве «великой державы», на что сейчас сделали ставку украинские националисты. Они всячески кривляются и приветствуют создание культа силы, убеждённо

---

[45] Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. — В кн.: Из-под глыб, стр. 134.

[46] Солженицын А. И. Письмо президенту Ельцину (30 августа 1991). — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1997. Т. 3, стр. 353 — 354.

> стараясь слепить из России врага. Повсюду звучат агрессивные лозунги. В украинской армии вовсю пропагандируется неизбежность войны с Россией[47].

Проблему права русской нации жить на своей земле он ставит и применительно к внутренним делам нынешней России — указывает на неприемлемость ленинского типа «федерации» («федеративным договором Ленин еще раз кусает нас из мавзолея, но Россия никогда не была федерацией и не создавалась так»), парада суверенитетов, неравноправия русских, языковой дискриминации русского населения — «систему национального неравноправия надо кончить».

> В автономиях (со своими президентами, конституциями, флагами, гимнами) — «титульные» народы почти всюду составляют *меньшинство*, иногда резкое меньшинство — между тем определяют собой аппарат и идеологию управления... равенство грубо нарушено в наших автономиях — языковыми и служебными преимуществами «титульной» нации. Всё это — кричаще несправедливо. И должно безотлагательно быть исправлено... В автономиях нельзя признать за «титульной нацией», даже если она не в меньшинстве, фактического права управлять всем населением территории *от себя*, а не в составе общегосударственного управления и по общегосударственным законам...[48]

Он требует незамедлительно предоставить «помощь русским беженцам в их переселении в Россию»[49], параллельно предостерегая в речи перед Государственной думой против миграционного половодья: «Есть еще встречная волна так называемых мигрантов. Объявили себя республики суверенными государствами. Но почему-то их граждане приезжают к нам... Эта незаконная эмиграция ущемляет коренное население: в жилье, в коммунальных услугах, в транспорте, в медицине, в образовании, в имущественных правах»[50].

В 90-е Солженицын по сути единственный, кто громко выступает ходатаем прав русского человека в его унижении и бесправности. Постоянно говорит о правах «отмежеванных», ставших «иностранцами в 24 часа». Первым обращает внимание на фактический геноцид русских в дудаевском террористическом анклаве. Помню, как тогда говорили: «Только два человека представляют интересы русских — Солженицын и Патриарх». И эта беспримесность национального звучания солженицынского слова объяснялась тем, что не содержала ни малейших оттенков коммунистической ностальгии, в которой утопала риторика неосоветской оппозиции, незаметно превратившейся у нас в последние годы в идеологическую привласть.

Краеугольным камнем в деле Солженицына было то, что он противопоставил этой ностальгии решительный порыв к нормализации всей русской истории. Случилось так, что русская мысль очень рано утратила историософию успеха — какую можно найти у Карамзина и Пушкина.

Частичное поражение в периферийном конфликте от общеевропейской коалиции — Крымской войне произвело странный и драматический сдвиг в русской мысли — чаадаевская историософия неудачи стала нормой. Одни — западники приняли ее в чистом виде. Другие — последователи славянофильского направления начали искать точку, в которой в нормальной русской истории все пошло не так. Наконец коммунистическая власть установила как норму представление о том, что глубоко извращенная Россия была от самого Рюрика устремлена к Октябрьскому перевороту, нежданно-негаданно превратившему страну-парию в авангард прогресса.

---

[47] Солженицын А. И. Интервью журналу «Форбст». — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1997. Т. 3, стр. 476.

[48] Солженицын А. И. Россия в обвале. — В кн.: Солженицын А. И. Русский вопрос на рубеже веков. М., «АСТ», 2016, стр. 259.

[49] Солженицын А. И. Интервью журналу «Форбс». — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1997. Т. 3, стр. 479.

[50] Солженицын А. И. Речь в Государственной Думе. — В кн.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию?.. стр. 394.

Для отрицающих этот переворот и установленную им власть он тоже занял место исторического средоточия, а все предшествующее превратилось в совокупность его истоков — грехов, вин, ошибок и преступлений, которые «не могли не закончиться» Октябрем. Представление о том, что русская история в своем ходе нормальна, в своих достижениях замечательна и как раз переворот XX века представляет собой нелогичную ошибку, процессуальный сбой, по преодолении которого она может продолжаться дальше, было характерно буквально для считанных единиц — Иван Ильин, Иван Солоневич.

Солженицын кладет свой авторитет на чашу весов «нормализаторов». Уже через «Архипелаг» красной нитью проходит сравнение нормальности старого русского времени и ненормальности, вывихнутости большевизма. В «Из-под глыб» он в праведном гневе и святом пристрастии набрасывается на эпигонов Бердяева, утверждающих, что «Коммунистическая власть есть не внешняя сила, но органическое порождение русской жизни» и каламбурящих о сопряжении «Третьего Рима» с «Третьим Интернационалом»[51].

> С ненавидящим настоянием по произволу извращается вся русская история для какой-то всё неулавливаемой цели — и это под соблазнительным видом *раскаяния*! Удары будто направлены всё по Третьему Риму да по мессианизму, — и вдруг мы обнаруживаем, что лом долбит не дряхлые стены, а добивает в лоб и в глаз — давно опрокинутое, еле живое русское национальное самосознание[52].

Яростно возражает писатель, впервые за долгие десятилетия возвращая в оборот как полемическое оружие понятие «русофобия».

Еще с большей решительностью Солженицын начинает говорить о нормальности и высоком достоинстве русского исторического пути, столкнувшись с западной «академической» русофобией в лице Пайпса и иже с ним. Он стремится разрушить установившееся в качестве нормы представление обо всей истории России как о мытарствах неуклюжей недотыкомки.

> Искажение русской исторической ретроспективы, непонимание России Западом выстроилось в устойчивое тенденциозное обобщение — об «извечном русском рабстве», чуть ли не в крови, об «азиатской традиции», — и это обобщение опасно заблуживает сегодняшних западных исследователей... искусственно упущены вековые периоды, широкие пространства и многие формы яркой общественной самодеятельности нашего народа — Киевская Русь, суздальское православие, напряжённая религиозная жизнь в лесном океане, века кипучего новгородского и псковского народоправства, стихийная народная инициатива и устояние в начале XVII века, рассудительные Земские Соборы, вольное крестьянство обширного Севера, вольное казачество на десятке южных и сибирских рек, поразительное по самостоятельности старообрядчество, наконец, крестьянская община... И всё это искусственно заслонили двумя веками крепостничества в центральных областях и петербургской бюрократией[53].

Солженицын начинает разворот всей громадины «Красного Колеса» в сторону интерпретации русской истории как нормальной истории, русского предреволюционного общества как живого общества, несводимого к «беременности революцией», мало того — русской самодержавной государственности — монархии, чиновничества, армии, аппарата как нормальных и в целом эффективных инструментов, которые были вполне работоспособны, если бы их искусственно не ломали.

---

[51] N. N. Metanoia. — «Вестник русского студенческого христианского движения», 1970, № 97, Париж — Нью-Йорк, стр. 6.

[52] Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. — В кн.: Из-под глыб, стр. 133.

[53] Солженицын А. И. Слово на приеме в Гуверовском институте. — Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль, «Верхняя Волга», 1995. Т. 1, стр. 301 — 302.

Он выкорчевывает сам в себе былые «кадетские прихромы» уходя все дальше от февралистской демонизации имперского государственного аппарата как сборища дегенератов, которое не могло не «слететь», показывает нелепость даже иных одержимых бесом «согласия с общественностью» министров, как Кривошеин, по сравнению с прямодушным слугой трона Горемыкиным. Показывает компетентность министра земледелия Риттиха по сравнению с занятыми лишь подстрекательством мятежа «прогрессистами». Россия могла развиваться без падения в пропасть революции — в ней не было ничего обреченного и безнадежно прогнившего.

Русская история в солженицынской политической оптике перестает быть собранием извращений и неудач, в каковое она превратилась под пером «мысляще-критической» и марксистской историографии, и стала кладезем примеров успешной исторической жизни. Погрузившись в изучение русской истории достаточно поздно, Солженицын до конца сохраняет юношеское удивление перед ее красотой, величием, мощью событий, сравнимыми с хорошо знакомой ему с юности римской[54]. Он не скрывает этого восхищения русской историей сам и завораживает им других.

> Мы были чрезвычайно самостоятельным, инициативным народом. И когда у нас перемежались самозванцы, бояре сбежали — кто к самозванцам, кто к полякам, царей не осталось, поляки пришли, заняли Москву, Россия была абсолютно обезглавлена и по ней шёл хаос и разбой, — в России нашлись оздоровляющие, самоспасительные силы. В это время отдельные посёлки, отдельные маленькие городишки стали слать гонцов друг к другу, сносились, объединялись, начали создавать движение спасения России, создали ополчение, нашли для него деньги, нашли полководца, тут было наше Поморье — самая свободная часть России, гордость наша, не случайно Ломоносов оттуда. И освободили Россию, и установили настоящее крепкое государство. Мы сделали это сами. В это время и первые цари наши — Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович — о-о-о, как они считались с Земскими соборами. Земские соборы влияли, влияли решительно на всю государственную политику... Сибирь мы взяли одним богатырским движением, там война была только с татарским царством на Иртыше, а потом и войны не было. Шло могучее — не так, как громили и сжигали индейцев в Америке, — могучее освоение Сибири, и Аляски, и северной Калифорнии, и всё это за одно столетие. И почитайте историю Сибири, даже советскую, 5-томную, почитайте, какие, уже к концу XVIII века, были в Сибири учебные заведения, какие направления развивались, как учили людей. Гигантские, гигантские подвиги[55].

«Выдуманная» Солженицыным, «никогда не существовавшая» Россия выплеснулась в прошлое. Да так ловко, что солженицынское настоящее и будущее начали казаться органическим следствием прошедшего. А может быть, дело в том, что Солженицын ничего не выдумывал? Может быть, он просто жил в этой удивительной истории и позволил ей течь через себя? Русская история теперь проходит важную часть своего пути улицей Солженицына.

---

[54] «Воин Рим, бронею перевитый! / Шаг Истории, не знающей пощады! — / Гордое отчаянье самнитов, / Умное безсилие Эллады, / Ярость Брута, Ганнибала гений — / Все должно быть сметено и сбито, / Что само не станет на колени» (Солженицын Александр. Дороженька. Глава первая. Мальчики с луны. — Солженицын А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Раннее. М., «Время», 2016. Т. 18, стр. 17).

[55] Солженицын А. И. Встреча в Саратовском университете. — В кн.: Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию?.. стр. 409.